

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода

Гловели Георгий Джемалович

доктор экономических наук, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
руководитель Центра методологических и историко-экономических исследований
Института экономики РАН

glovelig@mail.ru

Ключевые слова: фазы аграрной эволюции, формационный подход, экстенсивное и интенсивное сельское хозяйство, структурные сдвиги, расширенное воспроизводство

Keywords: phase of agrarian evolution, formational approach, extensive and intensive agriculture, structural changes, reproduction on an expanding scale

Структурные доминанты политической и сельскохозяйственной экономики

«Отец политической экономии» и бард британского державного могущества У. Петти назвал пять категорий граждан, «являющихся опорой любого государства»: крестьяне, моряки, солдаты, ремесленники и торговцы [24, с. 164]. Ко времени появления первой школы экономистов — физиократов — и знакомства с нею А. Смита уже почти не осталось английских крестьян, обрабатывающих собственную землю, — йоменов, которые при жизни Петти еще превосходили числом слой капиталистических фермеров, нанима-

ющих рабочих и арендующих землю у лордов. Изменилась и среда ремесленников и торговцев: из нее выделился слой крупных собственников, включая как «банкократов» и «биржевых волков» [14, т. 23, с. 765], так и организаторов промышленных предприятий. И А. Смит отказался от физиократического отождествления промышленников и торговцев с «бесплодным классом», после чего в *классической политэкономии* утвердилась классовая трехчленка: земельные собственники, владельцы капитала, наемные рабочие.

Эта схема отразила уход в прошлое сословной триады европейского феодализма (*oratores, bellatores, laboratores*) и исторические сдвиги

к возрастанию доли крупной промышленности и торговли в структуре хозяйства. А. Смит, несмотря на его обличения «меркантильной системы» и монопольных сговоров промышленников, признал, что земледелие отстало от быстро прогрессировавших торговли и мануфактур [25, с. 414], хотя лишь слегка затронул вопрос о машинах. Два главных последователя учения Смита — Д. Рикардо и Ж.-Б. Сэй — уже исходили из определяющего влияния крупного машинного производства на все классы общества.

Но укрупнение предприятий с повышением их производительности и доходности происходило и в сельском хозяйстве. Мэтр физиократов Ф. Кенэ в своих статьях «Зерно» и «Фермеры» для «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера противопоставил производство зерна в крупных (*la grande culture*) и мелких (*la petite culture*) хозяйствах [11, с. 70–77]. Мелким приходится оставлять много земли невозделанной, тогда как в крупных выращиваются *корнеплоды*, идущие с частью зерна на прокорм скота. В свою очередь, увеличение поголовья скота доставляет больше навоза для удобрения, что означает более обильные урожаи зерновых [11, с. 41].

Однако первые школы политэкономии не довели своих выводов до противопоставления *экстенсивного* и *интенсивного* типов ведения хозяйства. Это сделала *сельскохозяйственная экономия*, возникшая на стыке политэкономии и систематизированной в Германии *агрономии*.

Родоначальником агрономического обществоведения стал младший современник Рикардо и Сэя И. Г. Тюнен, расчетливый сельский предприниматель-помещик и искусный теоретик в одном лице, в молодости учившийся у прусского классика агрономии, «отца плодосменного хозяйства» А. Тэера.

Тюнен был хорошо осведомлен об апробированных на огороженных фермах в Англии (особенно в графстве Норфолк), а затем и в поместьях северогерманских юнкеров *многопольных* системах земледелия, сменявших старое малопроизводительное *трехполье*. Устранение участка *под паром* и добавление к посевам хлебных злаков (*пшеницы* и *ячменя*) кормовых культур (*клевера* и *турнепса*) позволяло существенно повысить как урожайность с единицы пахотной площади, так и продуктивность домашнего скота и прирост его поголовья (за счет круглогодичного откорма). Прекращалось сокращение кормовых угодий распашкой все новых земель под посевы зерновых, так как ротация злаков и кормовых культур и возросшее количество органического удобрения (навоза) обеспечивали восстановление плодородия почвы.

Для современников А. Смита (не отметившего агротехнических сдвигов, так же как и начала промышленного переворота) на первый план в новых системах полеводства вышло *травосеяние* с внедрением красного клевера [9, с. 270, 280]; но с начала XIX в. все большее распространение стало получать хозяйство, которое А. Тээр назвал плодосменным, или *плодосменом*. К середине столетия отдачу от улучшенных севооборотов с включением корнеклубнеплодов — турнепса, картофеля, сахарной свеклы — увеличила *агрохимия*, разработанная прежде всего Ю. Либихом [9, с. 333–334]. Он обосновал в соответствии с открытым им «законом минимума» успешного произрастания полезных растений внесение в почву минеральных удобрений для восполнения «слабых звеньев» в питании сельскохозяйственных культур.

Тюнен, выяснявший в теории и на практике условия *оптимального севооборота* и добавивший в агрономию

общественно-экономический контекст, первым выделил паровое трехполье, травосеяние и плодосмен как три последовательных ступени прогресса, направленного к *интенсификации земледелия*. Но, с одной стороны, подобно тому как Либих считал, что для сельского хозяйства нет ни особой химии, ни особой физики, ни особой ботаники, так и политэкономы стали уходить от особенностей сельского хозяйства. И в наследии Тюнена обращали (если обращали) внимание лишь на дедуктивные трактовки общеэкономических категорий ренты, дохода на капитал, заработной платы и т. д. вне связи с конкретикой последовательности различных систем полеводства. С другой стороны, Тэер, Тюнен и их последователи культуру интенсивного земледелия связывали с крупным частным сельским капиталистическим хозяйством — продуктом вековой несправедливости огораживаний в Англии и юнкерской «революции сверху» начала XIX в. в Пруссии [9, с. 270, 333]. В крепостнической России курьезная мода на «аглицких фермеров» печально завершалась разорением и помещиков, и крестьян, а после отмены в 1861 г. крепостного права в появившихся новых учебных заведениях — Петровской сельскохозяйственной академии близ Москвы и Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства близ Варшавы — профессора разрабатывали курсы сельскохозяйственной экономики, исходя из опыта крупного земледелия «прусского» типа.

Для К. Маркса сознательное технологическое применение химии и вообще науки в сельском хозяйстве было лишь частью того процесса укрупнения производства и концентрации собственности, который принципиально меняет экономическую и классовую

структуру, «уничтожает оплот старого общества, крестьянина, и ставит на его место наемного рабочего» [14, т. 23, с. 513]. Однако Ф. Энгельс, несмотря на убеждение в том, что «развитие капиталистической формы производства перерезало жизненный нерв у мелкого производства в сельском хозяйстве» [14, т. 22, с. 504], в своей последней крупной работе «Крестьянский вопрос во Франции и в Германии» признал, что английский и прусский пути не стали правилом в Европе. И к концу XIX в. даже «ортодоксальный» марксизм в лице К. Каутского не отрицал, что «упрощения аграрного вопроса путем концентрации всей земельной площади в немногих руках не произошло» [26, с. 273].

Эти оговорки не избавили западные социал-демократии от «аграрного ревизионизма», проявившегося как раз тогда, когда в России («самой крестьянской» стране Европы) поднялась волна влияния марксизма, сметавшая упования на «самобытный» общинно-артельный путь страны и возможности для нее «миновать» стадии капиталистического развития. «Капитал» Маркса стал отправным пунктом в аргументах о неизбежности, необходимости и прогрессивности сдвигов в российской экономической и классовой структуре — роста крупной промышленности и торгового земледелия, дифференциации и пролетаризации крестьянства [7, с. 486–487]. Но пока «пионеры марксизма» вели хлесткие политэкономические дебаты с «закостеневшей в народнических предрассудках интеллигенцией» [2, с. 307] и организовывали РСДРП, намечался существенный поворот на российских кафедрах сельскохозяйственной экономики. А именно: ее прежнюю ориентацию на крупное частно-

предпринимательское «прусское» земледелие потеснила тенденция к обоснованию будущности мелкого крестьянского хозяйства, *кооперативно объединенного*.

У истоков этого поворота стояли популярные московские профессора — А. И. Чупров (Университет) и А. Ф. Фортунатов (Петровская академия). Чупров в своем курсе истории политической экономии подчеркивал, что во времена Смита и Рикардо в Англии менялась структура не только промышленности, но и сельского хозяйства, причем вытеснение йоменов крупными фермами происходило с повсеместным распространением плодосменного севооборота. А первостепенной заслугой Тюнена Чупров назвал именно «прочное основание сельскохозяйственной экономии» с выведением «общих законов развития сельскохозяйственных систем и правил для оценки сравнительной выгоды этих систем» [33, с. 73].

Но московский политэконом поставил под сомнение отождествление рационального хозяйства с максимизацией *чистого дохода*, равно характерное для классической политэкономии и для агрономии Тэера—Тюнена. Не согласился Чупров и с формационным подходом Маркса, предрекавшего неизбежное конкурентное уничтожение мелкого производства крупным вследствие закона концентрации производства. Чупров находил, что действие этого закона в сельском хозяйстве ограничено, ссылаясь на успехи германских крестьян, не меньшие, чем у юнкеров, в повышении урожайности благодаря переходу к интенсивному многопольному земледелию. За XIX в., отмечал Чупров, пахотные площади под паром сократились в Германии с 30 % («точь-в-точь как у нас» [32, с. 80]) до 5 %, тогда как доля посевов корнеклубнеплодов и кормовых трав, напротив, увеличилась почти до 30 %.

А. Ф. Фортунатов был зачинателем сельскохозяйственного районирования России и наставником земских статистиков и агрономов-кооператоров. Его ученик В. Г. Бажаев посвятил себя пропаганде и практике травосеяния в российском Нечерноземье [1] и был инициатором первого Всероссийского съезда деятелей *агрономической помощи* населению (1901), где его учитель выдвинул идею *участковой общественной агрономии* [29, с. 152]. Через 10 лет другой ученик Фортунатова, юный А. В. Чайнов на Московском агрономическом съезде призвал создать *науку об организационном плане крестьянского хозяйства*. Возникла новая — «организационно-производственная» — школа сельскохозяйственной экономии, освежившая идеи А. И. Чупрова о «планомерном» проведении кооперативного принципа ради устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Самый старший из ее представителей А. Н. Челинцев впервые обосновал подход к сельскохозяйственным районам как к территориальным *структурам*, приближающимся к той или иной *стадии аграрной эволюции* по сочетанию таких «генетических» признаков, как способ поддержания плодородия почвы, доля пашни относительно естественных кормовых угодий, положение и роль продуктивного животноводства [31, с. 17].

От «кошмарного аграрного вопроса» — к Лиге аграрных реформ

Организационно-производственная школа выкристаллизовалась под воздействием «коренного перелома в самых основных устоях нашего земледелия», связанного с быстрым ростом товарности русского крестьянского хозяйства и необходимостью решать

в разнообразных местных условиях «множество полутехнических, полуюэкономических проблем» [29, с. 197–198] — в том числе в условиях развернувшейся столыпинской аграрной реформы. Царистское землеустройство благоприятствовало земским участковым агрономам (оказывать им содействие повелевала циркулярная телеграмма министра внутренних дел губернским и уездным предводителям дворянства). Но они не разделяли односторонней правительственной «ставки на сильных», нарочитого поощрения единоличного хуторского хозяйства. Они считали возможным намечать для каждого слоя дифференцирующегося крестьянства свои пути экономического прогресса, возлагая надежды на растущую русскую кооперацию, «мозговым центром» которой стал московский Народный университет им. А. Л. Шанявского [8, с. 360].

Новая школа не была связана с какой-либо из оформившихся в России политических партий, разгоряченно дебатировавших по «кошмарному аграрному вопросу» (как выразился в Государственной думе один из лидеров оппозиции, земский врач и автор известной книги «Вымирающая деревня» кадет А. И. Шингарев). Она не ставила самоцелью ни сохранение общины (как старое народничество), ни разрушение общины (как столыпинское землеустройство). Но в постановку вопроса об организационной роли общественной агрономии вошло хлестко раскритикованное политэкономии-«неомарксистами» представление об особой миссии «интеллигенции». А. В. Чайнов назвал общественную агрономию «едва ли не самым молодым институтом экономической политики», ускоряющим и рационализирующим стихийный процесс аграрной эволюции [30, стб. 164, 170].

После свержения царизма Министерство земледелия Временного правительства учредило Главный и местные земельные комитеты для подготовки мер по решению аграрного вопроса. Одновременно образовалась Лига аграрных реформ, где видную роль играли экономисты организационно-производственной школы и близкий к ним по эволюционному подходу к сельскому хозяйству член Главного земельного комитета Николай Петрович Огановский (1874–1938). Сын офицера царского Генштаба и выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, Огановский, послужив земским статистиком в Степном крае и в Центральном черноземном районе, изучив проблемы малоземелья и агротехнической отсталости русского крестьянства по материалам земско-статистического обследования 250 уездов 30 губерний, идейно определился как сторонник «социализации» земли. Выйдя в отставку в революционном 1905 году, он включился в организацию Всероссийского крестьянского союза; хорошо владея пером, опубликовал много брошюр, в том числе «Как различные партии смотрят на земельный вопрос» (1907). В последующие годы сочетал активную публицистику с работой над фундаментальным более чем 1000-страничным трудом «Закономерность аграрной эволюции» (3 тома, 1909–1914), будучи заведующим библиотекой, а затем приват-доцентом кафедры политической экономии Московского коммерческого института. После Февральской революции весной 1917 г. Огановский стал одним из организаторов первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов и Лиги аграрных реформ, а летом 1917 г. вошел в ЦК Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), основанной сотрудниками знаменитого журнала легальных народников

«Русское богатство», включая министра продовольствия Временного правительства А. В. Пешехонова.

«Мы, социалисты, вступаем в свои права, — заявил Огановский на Всероссийском съезде крестьянских депутатов, — когда какого-нибудь засушенного продукта или необходимого средства производства не хватает для всех, и его надо равномерно распределить между всеми нуждающимися» [20, с. 13]. Редактируя вместе с Чайновым «Статистический справочник по аграрному вопросу», опираясь на обоснованное Челинцевым сельскохозяйственное районирование, Огановский занялся расчетами — «прикидками» перераспределения земли «по потребительской и трудовой норме» как между отдельными разноразмерными хозяйствами, так и между многоземельными и малоземельными губерниями (что предполагало и масштабное *переселение и расселение* нуждающегося в земле крестьянства между различными областями). Как и прочие деятели Лиги аграрных реформ, Огановский был убежден, что социалистическую земельную реформу по плану, подготовленным интеллигенцией, должно будет провести Учредительное собрание, которому «придется провозиться несколько месяцев, а может быть, и год» над аграрным законодательством [20, с. 12]. Вошедший после провозглашения в сентябре 1917 г. Российской республики в состав ее Временного совета (Предпарламента), а затем избранный и в Учредительное собрание, Огановский призывал к «сильной единой власти» на местах, которая бы пресекла начавшийся захват и передел земель группами крестьян и предотвратила угрозу захвата областного (отгораживания многоземельных губерний).

Но упорствовавшее в «войне до победного конца» Временное правительство не смогло обеспечить такой власти,

а неспешные подготовительные усилия Лиги аграрных реформ не принесли плодов в месяцы, когда «дрогнула мати сыра земля» [6, с. 23] и захлестнула ее волна стихийного крестьянского передела. Мысли рядового крестьянина-фронтовика передала ставшая писательницей сестра милосердия Софья Федорченко: «Ушел я с той войны совсем замиранный, до того воевать обрыдло... А тут по всем хатам обида — поманили свободой, а доли не дали. Вот и пошел я долю к воле добирать» [27, с. 26].

В течение 1917 г. Н. П. Огановский опубликовал свыше десятка книг. Более половины из них (брошюры в серии «Земля — народу») остались памятником тому, что большевистская историография называла «банкротством мелкобуржуазных партий» в революционной России. Остальные — более или менее обширные историко-экономические исследования, и важнейшее из них — сжатое однотомное изложение главного труда Огановского «Закономерность аграрной эволюции». Именно этот труд дает основания рассматривать автора не как неудачливого политика, а как крупного ученого, внесшего сохраняющий значительную ценность вклад в экономическую компаративистику [7, с. 495].

Ретроспектива: производительные силы сельского хозяйства и феодализм

Общеизвестно, что основы материалистического понимания истории (соответствие производственных отношений людей определенному уровню материальных производительных сил и смена «прогрессивных эпох экономической формации») были сформулированы К. Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии».

Затем Маркс сосредоточился на цели открыть «закон движения» буржуазного (капиталистического) способа производства; решению этой задачи в 1-м томе «Капитала» был подчинен анализ стадий производственных отношений, соответствующих уровням материальных производительных сил: мануфактуре и крупной машинной промышленности. В незаконченном 2-м томе «Капитала», отправляясь от «Экономической таблицы» Кенэ, Маркс обосновал принципиальное разграничение между простым и расширенным капиталистическим *воспроизводством*.

Русские «неомарксисты» 1890-х гг. в полемике с народниками, во-первых, аргументировали необходимость капитализма в России потребностями роста национальных *производительных сил*; во-вторых, доказывали, что развитие промышленности подчиняется стадильным закономерностям, выделенным Марксом для Европы; в-третьих, настаивали на классовом подходе. Но указывая на техническую отсталость сельского хозяйства, запоздалое сравнительно с индустрией завоевание аграрной сферы капиталом, классовое расслоение деревни, политэкономы-марксисты не смогли интегрировать в формационный подход материал, доставленный сельскохозяйственной экономией.

Н. П. Огановский считал, что ни марксизм, ни много сделавшая для понимания эволюции промышленности европоцентристская германская историческая школа в политэкономии не достигли правильного понимания эволюции производительных сил в сельском хозяйстве, поскольку замазывали ее своеобразие яркой краской индустрии, залившей экономическую жизнь Запада в XIX в. [15, т. 2, с. 540].

Ключом к такому пониманию Огановский считал классификацию и исто-

рический контекст систем полеводства, развитие которых обусловило *структурные сдвиги* в сельском хозяйстве и в экономике в целом, обеспечившие поступательное *расширенное воспроизводство*.

Огановский определил два главных критерия стадий развития сельского хозяйства — экономической основы докапиталистических формаций:

- 1) связность земледелия и животноводства и
- 2) характер восстановления плодородия почвы и повышения производительности земли.

В соответствии с этими критериями можно выделить три главные *фазы аграрной эволюции* в странах умеренного пояса¹⁾:

- 1) *экстенсивную доземледельческую* с потреблением даровых благ природы, извлекаемых из лесных, водных и степных угодий;
- 2) *экстенсивного земледелия* с консервативным восстановлением плодородия почвы и *нарушением равновесия между земледелием и животноводством*;
- 3) *интенсивного многопольного земледелия*, интегрированного с животноводством [15, т. 1, с. 180].

Экстенсивное земледелие в странах умеренного климатического пояса эволюционировало от подсечно-переложных систем на колонизуемых пространствах к оседлому трехполью на ограниченной территории. Сначала распашка происходила на расчищенных вырубкой и поджигом лесных территориях (подсечно-огневое земледелие) или девственных степных почвах; засеваемые хлебными злаками площади и после сбора 2–3 урожаев либо забрасывались, либо оставлялись на 8–15 лет

¹⁾ Ср.: «...умеренный пояс был родиной капитала» [14, т. 23, с. 522].

в залежь для естественного восстановления плодородия; перелог охватывал две трети всех пахотных угодий. Территориальные пределы пахотной колонизации и переход к оседлости обусловили сжатие многолетней залежи в однолетний *пар* на трети пашни, чередуемый с озимыми и яровыми посевами, — знаменитую систему трехполья.

С переходом населения к оседлому трехполю, составившему агротехническую основу европейской цивилизации почти на тысячелетие, верховные права на землю были захвачены привилегированными классами; образовалась лестница власти над землей и над сидящим на ней крестьянством, которому вменялась в обязанность масса повинностей по отношению к крупным землевладельцам-феодалам.

Сельская община первоначально складывалась на земельном просторе, но когда возможности экспансии перелога были исчерпаны, а военно-политический фактор (захватное землевладение) обусловил *одностороннюю подвижку вверх* — концентрацию земли в высших сословиях, «утесненная» община выработала уравнительно-передельный механизм, и крестьянское землепользование приняло подворно-чересполосную форму [15, т. 1, с. 251].

Чередование озимых и яровых посевов с паром позволяло в лучшем случае поддерживать плодородие почвы на прежнем уровне, обеспечивая лишь *простое воспроизводство*. Равновесие между почти не растущим количеством жизненных средств, доставляемых трехполем, и количеством населения поддерживалось в силу высокой смертности из-за войн, усобиц, эпидемий и ограничений на численность крестьянских семей, налагаемых

крепостной зависимостью. Но растянувшееся на века раскрепощение европейских крестьян, стряхивая с них солидную часть непроизводительных расходов, повлекло и прирост народонаселения. В условиях дробления пашни на мелкие хозяйства-наделы этот прирост выбивал трехполье из многовековой колеи, провоцировал голодовки. Приходилось расширять пашню под трехполье за счет угодий для скота — общинных лесов и выгонов; нарушалось равновесие между земледелием и животноводством.

Придавая ключевое значение фактору народонаселения, Огановский отвергал мальтузианско-рикардианскую постановку вопроса об абсолютном законе чрезмерного размножения, полагая, что *аграрное перенаселение*, ставшее к рубежу веков остроконфликтной проблемой в России, является следствием глубокого кризиса экстенсивного земледелия, достигающего своих исторических пределов [15, т. 1, с. 203]. Именно скованность сельского хозяйства Западной Европы исчерпавшим свои возможности трехполем, недостаточным для прокормления возросшего населения, была, по мнению Огановского, глубинной причиной революций: в Англии в середине XVII в., во Франции в конце XVIII в., в Германии в середине XIX в. Трудности *относительного перенаселения*, обусловленного исчерпанием экстенсивного земледелия, усугублялись европейским абсолютизмом и крупнопоместным хозяйством придворной знати, забиравшим значительные площади под охотничьи парки и прочие прихоти; возмущенные народные массы стремились к отвоеванию земли у паразитирующих феодальных классов.

Интенсификация земледелия и воспроизводственные сдвиги: пробелы формационного подхода

Западное дворянство сделало кое-что для интенсификации земледелия, начавшейся в XVII в. в обуржуазившихся Нидерландах и породившей в XVIII в. «демонстрационный эффект» норфолкского севооборота [9, с. 228, 270], а в XIX в. — успехи северогерманской агрономии [9, с. 333–334], хотя усовершенствование систем полеводства лендлордами в Англии и юнкерами в Пруссии происходило за счет насильственной ликвидации или резкого сокращения крестьянского землевладения. Внедряемые травопольные и плодосменные севообороты, упраздняя пар, давали возможность не только использовать все пространство пашни, но и обеспечить круглогодичный прокорм скоту, что позволило содержать его в стойлах и проводить его мясо-молочную и длинношерстную селекцию: началась интенсификация не только земледелия, но и продуктивного животноводства [15, т. 1, с. 181]. Изменение структуры посевов, таким образом, привело к взаимному стимулированию двух главных отраслей сельского хозяйства: обеспеченное обилием кормов животноводство, в свою очередь, содействовало росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений, к которым агрохимия добавила искусственные удобрения (минеральные туки).

Но структурные сдвиги не ограничились установлением связности между земледелием и животноводством. Паровое трехполье с его почти неизменной урожайностью не давало экономикам европейских стран выйти за пределы простого воспроизводства и удерживало основную массу населения в сельском хозяйстве. Внедрение травосеяния и плодосмена, обеспечив

рост зерновой и мясомолочной продукции, обусловило одновременно возможность и необходимость сдвига населения в промышленность, в которой расширенное производство стало расти гораздо быстрее, и увеличения товарооборота между городом и деревней. Образовавшийся излишек сельского населения мог найти применение рабочим рукам только в городах, жители которых предъявляли дополнительный спрос на продовольствие, расширяя рынок сбыта для товарной продукции сельского хозяйства. Кроме того, посевы корнеклубнеплодов (свеклы, картофеля) дали продукты не только для откорма скота, но и для продажи в качестве промышленного сырья для сахарных, винокуренных и крахмальных заводов; а город с его индустриальными предприятиями не только поглощал избыточное сельское население и растущую продукцию села, но и давал необходимые для интенсификации усовершенствованные орудия, искусственные удобрения, развитую транспортно-складскую сеть, кредит и т. д. [15, т. 2, с. 540].

Таким образом, заключал Н. П. Огановский, происходило превращение хозяйства передовых стран в *двустороннее аграрно-индустриальное, с поступательным* расширенным воспроизводством [22, с. 10]. Пробел марксизма в освещении этого процесса заключался, во-первых, в упущении из виду структурных сдвигов в самом сельском хозяйстве, необходимых для последующего опережающего роста городской машинной крупной промышленности, во-вторых, в универсализации опыта Англии с ее особым, а вовсе не типичным положением «мастерской мира».

Не было типичным и капиталистическое аграрное развитие Англии, хотя общее между ним и аграрной эволюцией в континентальной Европе заключалось в политическом давлении

феодалных классов на распределение земли в пользу крупноразмерного хозяйства, с крайностями в ленордизме и в «прусском» пути развития. Прекращение этого давления благодаря демократизации западных парламентов способствовало, по мнению Огановского, «стягиванию к середине» сельскохозяйственных предприятий, выявлению преимуществ среднеразмерных хозяйств над крупными в тщательности обработки и экономии на сокращении пространства, что составляет, как полагал (наряду с другими экономистами-аграрниками рубежа веков) Огановский, существенное отличие структурной эволюции сельского хозяйства от промышленности.

Однако преимущества средних предприятий ограничиваются, по мнению Огановского, только собственно сельским хозяйством. Переработка сельскохозяйственной продукции и сфера обмена (кредит, сбыт, снабжение) требуют «крупной массовой постановки дела», чему примером — успехи кредитной и сбытоснабженческой кооперации в Европе начиная с последней четверти XIX в., когда крестьянская масса получила доступ к денежным средствам, доступным ранее только крупным предпринимателям [15, т. 1, с. 305]. Огановский соглашался с теми, кто считал образцом развития *среднего кооперативного хозяйства*, соединяющего несколько или несколько десятков индивидуальных хозяйств в одну группу, Данию — преобразенную размахом кооперативной обработки молочных продуктов и удачной интеграцией в мировой рынок в качестве лидера по экспорту сливочного масла [15, т. 1, с. 307].

Сельское хозяйство России, не сопоставимой с Данией по размерам и природным условиям, тоже интегрировалось в мировой рынок, но с другими структурными зависимостями. Доля коровьего масла в русской экспортной

выручке поднялась до 4 %, превзойдя долю сахара (2,7 %) и нефтепродуктов (2,4 %), но была весьма скромной сравнительно с долей основного экспортного товара — зерновых (40 %). Причем хлебный экспорт развивался по-прежнему на основе «выбалтывающего землю трехполья» [34].

Зигзаги аграрной эволюции России

Рассматривая аграрный вопрос в России в международном контексте, Н. П. Огановский подчеркнул два важнейших аспекта — эволюцию *систем полеводства* и эволюцию *распределения земли* — и два главных итога для Западной Европы после перипетий XIX в. (революции, индустриализация и наплыв дешевого продовольствия с освоенных заокеанских земель): постановку интенсивных севооборотов и рост кооперативных учреждений. Ученый с удовлетворением отмечал, что в Европе в течение века урожайность повысилась в среднем в 2–2,5 раза (после почти 1000 лет колебания вокруг одного и того же уровня); исчезли резкие подъемы и падения урожаев, веками державшие человека в «страхе голодовок» [15, т. 1, с. 293], и прежняя зависимость от погодно-климатических капризов.

Но с этой картиной контрастировало скованное «несчастной трехполькой» [16, с. 13] земледелие Российской империи, тормозившееся:

- 1) пережитками крепостного права, включая «отрезки» почти 20 % до реформенного землепользования в пользу помещиков, норотивших притом в нечерноземных губерниях великорусского центра в «отрезки» заключить прежде всего пастбишные угодья (луга и выгоны), оставляя тем самым крестьян без

- возможности скотоводства и необходимого органического удобрения [12, с. 334];
- 2) общинным *принудительным севооборотом и чересполосицей*;
 - 3) попятной экстенсификацией ввиду территориальной обширности страны с вовлечением в оборот земель в новых колонизационных поясах: Черноморско-Каспийском кольце, Сибири, Средней Азии;
 - 4) наращиванием хлебного экспорта, поскольку для внешнего рынка выгоднее пшенично-ячменные посевы парового трехполья, не требовавшие от торгового капитала лишних забот и расходов по хранению и первичной переработке.

В результате если на Западе поля стали похожи на пестрые шахматные доски, покрытые разноцветными культурами (хлебные злаки занимали не более 70 % площади), то в России более 90 % площадей приходилось на однотонные посевы зерновых. Это сохраняло не только сильную колеблемость урожаев (вдвое большую, чем в Англии или Германии), но и наступление пашни на пастбище. А вследствие продолжающейся колонизации различные районы Российской империи образовали как бы лестницу разных ступеней земледелия — от целинно-залежной в прикаспийских губерниях, где гулевой скот бродил и размножался на просторе степей, до европейски-интенсивной (плодосменной) в Привислинском и Остзейском краях (т. е. польских и прибалтийских губерниях). Основная же часть европейской России пришла к «перепаханности» угодий под трехполье и растущему *оскудению* вследствие как низкой урожайности, так и сокращения среднего подушевого надела (в губерниях Европейской России за 1861–1900 гг. почти вдвое, с 4,6

до 2,6 дес.) из-за прироста раскрепощенного населения.

Затаившие обиду за попранное «вековое народное право на землю», закосневшие в экстенсивной трехпольной распашке, удрученные недородами и недоимками крестьяне в массе своей вождедали *прирезки* земли как единственного способа решения проблем их благосостояния [21, с. 4]. И для российских политических партий вопрос о крестьянском *малоземелье* и о справедливом *перераспределении* земли вышел на первый план, оставив в тени вопрос о рациональном полеводстве и интенсификации земледелия. Но царизм не допустил какого-либо ущемления помещичьего землевладения [9, с. 444], и правительство в виде столыпинской реформы «спроектировало комбинацию, удовлетворяющую и его собственным политическим интересам, и назревшим хозяйственно-экономическим нуждам страны» [21, с. 6]: разрушение общины, уничтожение чересполосицы и принудительного севооборота, отслаивание от крестьянства некоторого количества сельской буржуазии, которое могло бы служить опорой режима и оплотом против возмущений остальной крестьянской массы.

Критической оценке столыпинского землеустройства с его насаждением единоличных выделов (хуторов) Н. П. Огановский посвятил отдельное исследование, вынеся в заглавие слова своего однопартийца-энеса А. В. Пешехонова: «Революция наоборот». И как ученый, и как политик Огановский подчеркивал, что доведение крестьянских наделов хотя бы до потребительных норм поглотило бы «почти целиком весь фонд удобных помещичьих, казенных, удельных и монастырских земель» [21, с. 5], и земли при наилучшем перераспределении хватило бы лишь *в обрез* [17, с. 16]. «Но если рассчитывать на рационализацию (интен-

фикацию) полеводства при массовом расселении на хутора, то не обойтись без „прирезки земли“, которую с таким негодованием отвергло наше правительство» [21, с. 40]. И в итоге из первоначальной программы землеустройства был исключен пункт о новой разбивке полей для перехода к многополью, а переселение за Урал и наращивание зернового экспорта способствовали дальнейшему распространению экстенсивного трехполья.

Огановский не отрицал несомненных достоинств хуторов. Но они не могли быть эффективными при наделах в 3 десятины и требовали широкого доступа к дорожной сети и источникам воды, чего не было на большей части перенаселенной территории Европейской России [21, с. 36]²⁾.

Огановский также показал односторонность расхожих мнений как сторонников, так и противников общинного землевладения (дебатировавших и в Главном земельном комитете, и в Лиге аграрных реформ). Первые были неправы в том, что община препятствует

расслоению крестьян; вторые — в том, что она препятствует любым агротехническим улучшениям. Переходы к многополью с травосеянием в нечерноземной полосе распространялись благодаря тому, что когда более или менее значительное число общинников осознавали необходимость сдвига с прежних устоев, это подгоняло и остальных [21, с. 89]. Но одними своими силами крестьяне способны создать лишь «обрывки» интенсивной системы хозяйства, для полноценного внедрения требуется организующее начало интеллигентской агрономической помощи и кооперативов при поддержке центральных и местных властей [16, с. 11, 16].

После 1917 г.

Убежденность Н. П. Огановского в том, что германский милитаризм — главный виновник мировой войны [18, с. 25, 30], а неравноправный торговый договор 1904 г. Германии с Россией — причина структурных перекосов в русском аграрном производстве и экспорте [17, с. 6], а также упования на Учредительное собрание привели экономиста в стан противников большевизма после Октябрьского восстания и Брестского мира. После метаний в годы Гражданской войны по стране (Уфа, Новониколаевск, Омск, Томск, Рудный Алтай) Огановский примирился с советской властью и стал служить ей в качестве «спеца»-аграрника и одного из основателей новой научной и учебной дисциплины — экономической географии. В своих книгах периода нэпа Огановский продолжал обосновывать необходимость превращения России в страну двустороннего аграрно-индустриального типа с интенсификацией и сбалансированностью земледелия и животноводства, мощной системой кооперативов. Свою восполняющую пробелы формационного под-

²⁾ 1909–1913 гг. были периодом беспрецедентного роста производства зерна в Российской империи, что часто приписывается (особенно в настоящее время) столыпинскому землеустройству. Однако впечатляющие результаты были достигнуты благодаря редкому сочетанию двух не зависящих от реформы факторов: благоприятной повышательной конъюнктуры мирового рынка зерновых, куда уходило до 16 % российского урожая, и уникальной череды лет с хорошими погодными условиями, повысившими климатическую урожайность на 24 % выше трендового значения [10, с. 16]. Характерно, что единственный неурожайный из пяти лет — 1911 г. — сразу привел к голодовкам не только в малоземельных центральных, но и в многоземельных новороссийских губерниях [35]. Напрашивается также сравнение «столыпинской пятилетки» Российской империи с «тучными годами» Российской Федерации 2000-х, обусловленными также благоприятной конъюнктурой мирового рынка (на этот раз углеводородов): ни в том, ни в другом случае не состоялись необходимые структурные преобразования.

хода эволюционную концепцию структурных сдвигов в сельском хозяйстве, в которой обертоном звучала *экологическая нота*³⁾, Огановский дополнил категорией *устойчивого развития производительных сил*, опередившей на несколько десятилетий постановку западными историками-экономистами вопроса о самоподдерживающемся (self-sustainable) экономическом росте.

Огановский работал в тесном контакте с экономистами-кооператорами организационно-производственной школы, включая обобщающие статьи о советской экономике для Энциклопедического словаря «Гранат» [23]. Исследования главных представителей школы — А. Н. Челинцева и А. В. Чаянова — органично ложились в контекст двух ключевых эволюционных идей Н. П. Огановского:

- 1) сельскохозяйственные районы России — «растянутые» в пространстве фазы аграрной эволюции;
- 2) необходимость соединения усилий правительства по «оборудованию транспортного дела», интеллигенции по налаживанию кооперативных связей и крестьянской массы для рационализации российского сельского хозяйства, перехода к плодосмену и изменения структуры российского экспорта в пользу интенсивных культур и продуктов животноводства.

Эволюционная концепция сельскохозяйственного районирования Челинцева показывала, что генетические

³⁾ Намечая своеобразный интегральный критерий прогресса хозяйственной деятельности человека — способность содействовать природе в производстве благ — Огановский писал: «Мы считаем с *обшечародной* точки зрения недопустимым хищническое истребление лесов по берегам реки, или рыбы в реках, или плодородия почвы в целинных степях, все равно, расхищают ли это обшечародное достояние крестьяне или капиталисты» [15, т. 2, с. 567].

структурные признаки сложившихся в различных местностях систем полеводства не могут быть так просто изменены («скачком» через фазу) преобразованиями отношений собственности и организационных форм предприятий; внедрение интенсивного и интегрированного с животноводством земледелия потребует нескольких десятилетий. А концепция «кооперативной коллективизации» Чаянова исходила из того, что в сферах переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции в большей степени, чем в самом сельском хозяйстве, проявляется *эффект масштаба* («массовой постановки дела», по выражению Огановского); поэтому от этих сфер должно идти поэтапное кооперирование к коллективным формам обработки земли и выращивания скота [12, с. 47].

С экономистами организационно-производственной школы Огановский разделил в конце 1920-х гг. и ярлык «неонародника», арест и приговор по процессу «Трудовой крестьянской партии» [8, с. 369]. 2 года провел в заточении в Карагандинской области, затем выслан в Уфу, где еще через 2 года был освобожден и где остался на постоянное жительство, после чего его следы теряются. Его имя и работы были преданы забвению и лишь в конце XX в. вновь попали в зону внимания отечественных историков и экономистов.

Аграрная эволюция XX в. и опровергла, и подтвердила идеи Огановского и экономистов организационно-производственной школы. Опровергла преувеличение отличий сельского хозяйства от промышленности в *строении капитала*: Огановский связывал устойчивость «среднеразмерного» земледелия и животноводства с большей значимостью *оборотного капитала*. Но не оборотный, а *основной капитал* в виде комплексной механизации, концентрированного производства химических

удобрений и комбикормов, прикладной генетики, транспортной и складской инфраструктуры сыграл решающую роль в повышении производительности сельского хозяйства и превращении его с 1950-х гг. в сжимающееся звено агропромышленного комплекса передовых индустриальных стран, предопределив «конец крестьянства» [36]. Однако правильность указанного Огановским критерия агротехнологического прогресса — перехода к интенсивным системам, *интегрирующим* обработку земли и животноводство, — «новая аграрная революция» [5, с. 71–72] подтвердила, как и большие, сравнительно с собственно сельским хозяйством, преимущественно сельского хозяйства, снабжающих его, сбывающих и перерабатывающих его продукты.

На родине же Огановского «великий перелом» деревни в конце 1920-х гг. разрушил возможности эволюционного взаимно стимулирующего развития земледелия и животноводства, варварски деформировав структуру сельского хозяйства. «Сплошная коллективизация» была всецело подчинена задачам форсированной индустриализации; при самодовлеющем значении экспорта *зерновых* была отброшена постановка вопроса о рациональной организации самого сельского хозяйства «в сторону форсирования животноводства и интенсивных культур» [22, с. 10]. Даже «съезд победителей» (XVII съезд ВКП(б) 1934 г.) был вынужден признать *кризис*

животноводства. Очевидное неблагополучие в аграрной сфере навело руководство СССР на поиски каких-то «эликсиров» подъема сельского хозяйства: повсеместное распространение «новой травопольной системы» Вильямса (без химических удобрений); «мичуринская» (на деле лысенковская) «агробиология» (с разгромом «буржуазной лженауки» генетики); «освоение целинных и залежных земель» (с быстрым эродированием почв, распахиваемых зернопаровыми севооборотами ради получения казахстанского «миллиарда пудов» хлеба); хрущевская кукурузомания и т. д. [9, с. 532–533, 544–545, 610–611]. К началу 1960-х гг. завершилась *российская экстенсивная земледельческая колонизация* [9, с. 609]. И одновременно начался... крупномасштабный импорт зерновых из заатлантической части «ядра» капиталистической мир-системы, которое распространилось в Северную Америку, сформировавшись в Западной Европе как раз из тех стран, что достигли *разнообразия сельскохозяйственной специализации*, прежде чем развивать крупную промышленность [4, с. 37].

Аграрный вопрос так и не был решен в России в пертурбациях истории XX века, оставивших нам в наследство деформированную структуру производства и внешней торговли не только с гипертрофией экспорта углеводов, но и с «мясной иглой» [3, с. 9] продовольственного импорта.

Литература

1. *Бажаев В. Г.* Как завести правильное полевое травосеяние в нечерноземной полосе Европейской России. СПб.: Петерб. собр. сел. хозяев, 1902.
2. *Базаров В. А.* Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. II / Под ред. С. А. Венгерова. М.: ИЦ «XXI век — Согласие», 2000.
3. *Барсукова С. Ю.* Неформальные способы реализации формальных намерений, или Как реализуется приоритетный национальный проект «Развитие АПК». М.: ГУ ВШЭ, 2007.
4. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

5. *Ван дер Вее Г.* История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука, 1994.
6. *Артём Весёлый.* Россия, кровью умытая. Роман. М.: Художественная литература, 1990.
7. *Гловели Г. Д.* Историзм и историческое направление в политической экономии // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 3.
8. *Гловели Г. Д.* История экономических учений. 2-е изд. М.: Юрайт, 2013.
9. *Гловели Г. Д.* Экономическая история. М.: Юрайт, 2014.
10. *Дронин Н. М., Кириленко А. П.* Роль климатического и политэкономического факторов в динамике урожайности зерновых в отечественной истории XX века // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2012. № 5.
11. *Кенэ Ф.* Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1960.
12. *Кодзима С.* Концепция А. В. Чаянова о «кооперативной коллективизации» (1927 г.) — неонароднический план реконструкции советской деревни во второй половине 20-х годов // Вестник Международного института А. Богданова. 2003. № 3 (19).
13. *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955–1981.
15. *Огановский Н. П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. 1–2. Саратов: Сотрудничество, 1909–1911.
16. *Огановский Н. П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Обновление земледельческой России. М.: Задруга, 1914.
17. *Огановский Н. П.* Земельный вопрос в Учредительном собрании. М.: Задруга, 1917.
18. *Огановский Н. П.* Отчего разгорелась великая европейская война? М.: Задруга, 1914.
19. *Огановский Н. П.* Очерки по экономической географии России (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам). Ч. I. М.: Новая деревня, 1922.
20. *Огановский Н. П.* Прошлое и настоящее аграрного вопроса. Пг.: Революционная мысль, 1917.
21. *Огановский Н. П.* Революция наоборот (разрушение общины). М.: Задруга, 1917.
22. *Огановский Н. П.* Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке. М.: Изд-во ВСНХ, 1924.
23. *Огановский Н. П.* Социально-экономические основы единства СССР // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 41-VII. Ч. 1. М., 1926.
24. *Петти У.* Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940.
25. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / Под ред. П. Н. Ключкина. М.: ЭКСМО, 2007.
26. *Туган-Барановский М. И.* Экономические очерки. М.: РОССПЭН, 1998.
27. *Федорченко С. З.* Народ на войне. Книга третья // Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. М.: Наука, 1983.
28. *Фортунатов А. Ф.* Сельскохозяйственная экономия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 57. СПб., 1900.
29. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
30. *Чаянов А. В.* Сельскохозяйственная помощь населению // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 38. М., 1916.
31. *Челинцев А. Н.* Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб.: Типография «Сельского вестника», 1911.
32. *Чупров А. И.* Мелкое земледелие и его основные нужды. СПб.: Г. Ф. Львович, 1907.
33. *Чупров А. И.* Очерки истории политической экономии. М.: ОРПК, 1898.
34. *Энгельгардт М. А.* Письма о земледелии. СПб.: Ф. Ф. Павленков, 1899.
35. *Якушкин Н.* Голод // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 14. СПб., 1913.
36. *Mendras H.* La fin des paysans. P.: Sedeis, 1967.